

ТЭФФИ

Надежда Тэффи

Подлецы

«Public Domain»

1946

Тэффи Н.

Подлецы / Н. Тэффи — «Public Domain», 1946

«И вот прилип к ней этот гад, чтобы поехала она с ним за границу, что он всяких подарков накупит, а если она ему будет верна три месяца, так он в ее пользу завещание сделает. И даже намекнул, что у него порок сердца, значит, в том смысле, что завещание не пустой райский звук...»

Надежда Тэффи Подлецы

Сколько ей лет?

Лет пятьдесят – пятьдесят пять, что-нибудь в этом роде. Волосы рыжие, завитые туго, как грива ассирийского льва. Щеки круглые, кляксапапирового цвета. Когда она сердится или негодует – щеки слегка дрожат. Реснички расчесаны, бровки подщипаны. На платье плиссировочки, шнуровочки, бантики, кантики, словом – дамочка за собой следит и себе цену знает.

Да – цену себе знает. Поэтому спорить с ней нельзя.

Говорит она очень авторитетно. От всякого возражения просто отмахивается рукой:

– Ах, бросьте!

– Ах, оставьте!

Даже и переубеждать не дает себе труда. И так ведь ясно, что она права.

Зовут ее Алевтина Петровна.

– Милая моя, – говорит Алевтина Петровна. – Вы слышали – Шура замуж выходит!

– Ну и пусть себе.

– Как «пусть себе»! Выходить замуж – ведь это значит за мужчину. За подлеца!

– Почему же вы думаете, что он подлец?

– Ах, бросьте! Видели вы когда-нибудь мужчину не подлеца? Видели вы когда-нибудь такого, который своей жене не изменял? Была у меня старушка знакомая, большого опыта женщина. Так она, помню, всегда говорила: «Алевтя, дорогуша, верь мне: мужчины – Божьи собаки». Так их всегда и называла. Большого опыта была женщина. Уж она-то знала.

– У нее, поди, этих собак за долгую жизнь целая свора перебивала?

– Ну да, наверное, немало пришлось ей, бедненькой, перестрадать. «Алевтя, говорит, дорогая, верь мне – у них у всех только бабы на уме». Все понимала. Часто ее вспоминаю. Иногда забежишь послушать какой-нибудь доклад. Ходит по эстраде общественный деятель или какой-нибудь там профессор-бородач, голова копной. Смотрю на него и думаю: «Бреши, бреши, меня не надуешь. Знаю, что у тебя в голове». Да, дорогая моя, недаром Пушкин писал:

Мужчины по улицам рыщут,
Даму сердца себе ищут!

– Ну что вы! Когда же это Пушкин писал?

– Да уж писал, нас с вами не спросил. И подумать только, что Шура, молоденькая, хорошенькая, и вдруг выходит замуж. Я ее матери прямо сказала: ваша Шура дура. А та: «Ах-ах, он такой интересный, и со средствами, и с положением». А я ей: «Пусть с положением, я не спорю. А что он ее любит, так на это я вам прямо скажу: верить не верьте, а у него по отношению к ней простая порнография». Ну да разве эти идиотки способны понимать! Боже мой, сколько я видела на своем веку мужской подлости! Да вот еще недавно зашла в кафе, смотрю, за столиком знакомая рожа. Генерал Кухормин. С молоденькой. Сидят, кофий пьют. А он так весь и блекочет. Стыд и срам. Я даже свое мороженое не доела, ушла и не заплатила – так мне противно стало. На другой день встречаю его у Буркаловых, отвела в сторону и говорю:

– Видела вас. Я, конечно, Софье Петровне ничего не скажу, но вам мое негодование выражаю от души.

Так этот подлец, можете себе представить, еще оправдываться стал:

– Тут, – говорит, – ничего особенно дурного нет, человеку иногда хочется немножко встряхнуться. Я Софью Петровну глубоко ценю и уважаю, но у меня к ней нет эротических эмоций.

– Слышали вы свинью! Эмоции у него нет! К благороднейшей женщине, которая отдала ему сорок пять лет своей цветущей жизни, родила восемь человек детей, была образцовой хозяйкой (какие пироги!), которая вся в ревматизмах, в подаграх, в ишиасах, в печени, в золотухе, в желтухе, в ожирении сердца, ноги как колоды – я сама видала. Так к такой женщине у него, изволите ли видеть, нет эротических эмоций, а к накрашенной девчонке-балаболке у него эмоции! Ведь каким надо быть подлецом, чтобы до этого договориться! Я хотела было закатить ему тут же пощечину, да как раз пригласили к столу, так уж было неудобно.

Ах, многое могла бы я вам рассказать об этих «подлецах».

Вот, например, жил в нашем городе один помещик Колышев. Человек богатый, но рыло – прямо, что говорится, естественное. Пузатый, нос грубой, вечно рот разинут, и язык набекрень. И целые дни за дамами бегал. Пойдет в ресторан – там уже его четверо ждут. Пойдет в кафе – там пятеро в окошко высматривают, не идет ли.

– Позвольте, так ведь это выходит, что дамы за ним бегали, а не он за ними?

– Ну знаете, так все повернуть можно. Если этот негодяй просит, умоляет, закликает прийти, так, конечно, не у всякой женщины хватит духу отказать.

Ну-с так вот, прицелился этот самый Квазиморда к одной нашей барыньке, к Поленьке Окурко. Поленька была так себе, легкомысленная дамочка. Ну да она этого и не скрывала. Она прямо говорила: «Э, что там!» Очень была искренняя, свежая душа.

И вот прилип к ней этот гад, чтобы поехала она с ним за границу, что он всяких подарков закупит, а если она ему будет верна три месяца, так он в ее пользу завещание сделает. И даже намекнул, что у него порок сердца, значит, в том смысле, что завещание не пустой райский звук.

Ну Поленька подумала, посоветовалась со своим парикмахером и решила ехать. Три месяца не такой долгий срок, вытерпеть еще можно, а там, бог даст, он от путешествия переутомится, и завещание вступит в законную силу.

Ну и поехала.

Поехала она, и как раз так вышло, что и я тоже отправилась за границу, в Венецию. Остановилась в отеле, смотрю на дощечке: «Синьор Колышев». Ага, думаю, вот они, наши, где. И комната оказалась на том же коридоре.

Ну, Поленька, как только узнала, что я здесь, сейчас же ко мне прибежала.

Она хотя и была легкомысленная, но я ей очень симпатизировала. Что ж, думаю, одинокая женщина перебивается как может. Человек она искренний, простой.

Расспросила ее, как она себя чувствует.

– Заграница очень мне, – говорит, – понравилась. Такие здесь все душки, ходят чистенькие, глазками помаргивают совсем на особый манер, не как у нас. А тут, – говорит, – вчера какой-то совсем бурый человек приехал, вроде арапа. Ну, такой интересный, что прямо смотрю на него разиня рот, а что делать – не знаю. Не знаю, как арапу полагается улыбнуться, чтобы он русскую душу понял.

– Ну а как же, – спрашиваю, – ваш урод, прилично себя ведет?

– Нет, – говорит, – урод мой форменный негодяй. Клялся, божился, сулил золотые горы, а всего-то гор, что купил в Вене три пары чулок, а в Триесте платяную щетку да зубную щетку. Чего-то его в Триесте на щетки расщедрило, от жары, что ли. Только и всего. Да и то платяной щеткой сам пользуется, еще, пожалуй, отберет.

– Вот, – говорю, – негодяй! Ну а насчет завещания что слышно?

– Все повторяет, будто если три месяца выдержу, так все мое. Только ревнует, шпионит, дыхнуть не дает. Прямо беда!

Ну я ее как могла успокоила – три месяца, конечно, срок большой, но четыре недели уже пронесло благополучно.

– Хоть и шпионил как черт, да не поймал.

– А разве, – спрашиваю, – было на чем ловить?

– Ну знаете, – говорит, – такой негодяй все может в дурную сторону повернуть.

Ну вот, живем мы в этом самом отеле, но встречаемся нечасто. У меня свои знакомые, а с этим уродом, признаюсь, не очень и стремилась видеться.

И вот как-то ночью, только что собралась я свечку погасить, вдруг дверь распахивается и влетает эта самая Поленька и – можете себе представить – в одной рубашке.

– Что такое? Что случилось?

Она дрожит:

– Спрячьте меня скорее! Подлец меня ищет! Убьет!

– Накиньте, – говорю, – хоть капот. Как же вы голая по коридору?

– Ради бога, скажите, что я весь вечер у вас. Я, знаете ли, у арапа была. Мой урод в кафе пошел, а я сказала, что голова болит. Подумайте только – ведь никогда в жизни не было у меня романа с арапом, да, наверное, больше и не будет. Ну где у нас в Рязанской губернии арапа найдешь? А тут такой случай – неужели же упускать? Ведь идиотство!

Ну что ж, – это действительно было бы идиотством. И из-за кого, подумаешь? Из-за Квазиморды.

– Ложитесь, – говорю, – ко мне в постель, уж я вас отстою.

Не прошло минуты – трах-тарарах! Барабанят в дверь.

– Кто там?

– Кольшев. Она у вас?

– Ну конечно, – говорю, – у меня. Брала ванну и пришла ко мне отдохнуть.

– Клянитесь, – рычит, – что это правда.

– Ах вы, – говорю, – негодяй невоспитанный! Да как вы смее по ночам ломиться в комнату, где приличные дамы отдыхают. Убирайтесь сейчас же или я директора вызову.

А Поленька просит:

– Додержите меня только до утра, он за это время остынет, а уж там я вырвусь.

Ну ничего, она, бедненькая, действительно кое-как вырвалась.

Потом я скоро уехала, а он ее еще раза два поймал. Подумайте только, какой негодяй! Ну она, конечно, не вытерпела и сбежала с каким-то типом в Берлин. Так, несерьезно. Недельки на две. А он, Квазиморда-то, вернулся в наш город, простудился, всю зиму прохворал, а к весне и помер.

И тут только, после его смерти, окончательно открылась вся подлость его души. Представьте себе, ведь этот негодяй бедной Поленьке не оставил ни гроша. Ну буквально-таки ни гроша. Как вам это нравится?

– И все они таковы. Все. Вот заметьте: если женщина влюбится, так сейчас же думает – что бы такое своему предмету подарить? Портсигарчик, галстучек или вышить что-нибудь? А мужчина, если заинтересовался вашей красотой, так сейчас ему, подлецу, подавай что-нибудь «на память». А какая такая память, когда он с утра до вечера перед носом торчит. Когда ему забывать-то? Тут один тип полчаса за мной поухаживал и уж успел платок стянуть. Схватил, нюхал-нюхал, да и в карман. Ужасно, подумаешь, оболстил. А у меня этих платочков с кружевцами и всего-то полдюжины было. Только разрознил.

Лариса замуж выходила, так нашла у мужа в письменном столе, затыканы меж окладных листов, тридцать два дамских платочка.

Так эта дура еще гордилась:

– Он у меня был донжуаном.

– А по-моему, – говорю, – тебе бы лучше справку навести, может, он не донжуан, а вордомушник.

Так ведь обиделась. Ну да бог с ней. Я не сержусь. Я ее жалею. Много ей с этим подлецом пришлось слез пролить. Только детки подрастать стали, приставила она к ним бонну из русских

немок, для французского языка. Все, как в хороших домах. Только слышит – муж все чего-то декламирует:

Люблю тебя, Петра творенье!

– Это, – говорит, – из классиков.

Ну ей, как жене, конечно, приятно. Только вдруг как бревном по лбу. Ведь бонну-то зовут Анна Петровна! Вот тебе и Петра творенье. Выгнала? Ну, разумеется, выгнала. Он, подлец-то, конечно, разыграл удивление и смех. Разве им это дорого стоит! Они такую комедию разыграть могут, что нам и в голову не придет. Они назло даже умереть могут. Ей-богу!

Анюта Латузину помните? Как – не знали? Быть не может! Вы – нашего города. Злосчастливая женщина. Вот мученица была! Муж, понимаете ли, инженер. Целые дни носом в чертежи уткнется, и хоть ты об стену головой колотись. Да еще чахоточный. Жена как рыба об лед бьется: и по магазинам бегай, и обеды заказывай, гостей принимай. А он сидит да мосты высчитывает. Как вам это нравится? А тут как-то к весне и совсем раскис. Она, конечно, нервничает, сердится. Вполне естественно. Ну и, значит, предлагает мне – поедем вместе в Аббацию. Там у нее в то время папенька от подагры отдыхал. Тоже, должно быть, в свое время типик был. Недаром от него жена сбежала и всю кассу уволокла. Ну да Анюта его уважала. Должно быть, за старость. Ну что ж, отчего же не проехаться? Живо собрались. Старшие ее девочки при отце остались. Им уж было лет по пятнадцати, по шестнадцати. Не возить же хорошенькой молоденькой дамочке таких телушек с собой. А младшего, шестилетнего Володюшку, взяла.

Приехали. В Аббации красота, море – умирать не надо. Папенька ничего себе старый хрен. Бровищи седые, и все что-то ел. Его доктора на диету посадили, так он два обеда съедал – один общий да один особый, диетный. «Я, говорит, таким образом хотя наполовину, а все-таки лечусь». Ну, словом, ничего себе. И дочка его любила. У него, впрочем, и деньжонки водились. Если родитель с деньгами, так его как-то легче любить. Естественнее. Ну вот, живем мы да поживаем, и вдруг откуда ни возьмись накатило шквал. На горе, как говорится, и палка выстрелит. Короче говоря, влюбилась наша Анюта в кучера. Кучер там был. Молодой, здоровенный детина. Швейцарец. Только на летний срок приезжал. Возил туристов на Монтенегро. Румяный, как черт. И влюбилась в него Анюта, как говорится, первой любовью. Скандалит, ревнует. Целые дни катается, и чтобы не смел других возить. Накупила ему подарков – бич с серебряной ручкой, куртку белую кожаную, шелками вышитую. Красота. Скандал! Ну что поделаешь? И как осудишь, раз это ее первое светлое чувство?

Ну, кучер ничего себе. Сколько возможно шел навстречу. Но ведь надо принять во внимание: четверка лошадей – целая конюшня. И чисти, и корми, и пои, и запрягай, и подавай. Но главная беда, что наша Анюта по-швейцарски ни бе ни ме ни кукареку. А он как раз из такого кантона, где больше кретины живут и очень трудный выговор. Слово вроде немецкого, а значение совсем наоборот. А Анюта вообще насчет языков была дубовата.

– Как же, – спрашиваю, – ты с ним объясняешься?

– Да как, – говорит, – беда. Все больше конскими словами – «гоп!» да «стоп!». Очень для сложного переживания трудно.

Купила ему сапоги с крагами. Я уж даже ей валерьянку стала давать.

А тут как на грех все новенькие туристки приезжают, ну и, конечно, нанимают кучера осматривать окрестности. Был при отеле и автомобиль, но все предпочитали экипаж – приятнее и лучше можно любоваться пейзажами.

Ну а наша бесится. Еще немножко стеснялась своего папеньки, а то прямо не знаю что бы и было.

Папенька, старый эгоист, конечно, думал только о себе, а что у дочери такие исключительные переживания, так он даже и не замечал.

Выходить из дому он не мог, так только, ковылял по комнатам с палочкой. Ноги от подагры еле гнулись.

Вот как-то раз, вечером, понесло этого старого черта к Анюте в комнату, и как раз в то время, как у нее кучер был. И чего этим лешим покоя нет? Ну сам не спишь, так хоть других не тревожь.

Услышала Анюта, бедняжка, его шаги в коридоре, натурально испугалась и спрятала кучера к своему мальчику под кровать. Мальчик спал крепко, ничего не слышал.

Вот лезет папенька в комнату.

– Мне, – говорит, – Нюточка, захотелось на Володьку взглянуть, как он спит.

Тоже, подумаешь, нашел зрелище. Ну спит мальчишка и спит. Есть на что смотреть!

Но это бы еще не беда. А беда то, что за стариком увязалась хозяйская собачища. Так, дрянь какая-то, ни породы, ни моды. И вдруг, понимаете, пробудился в ней охотничий дух. Надулась вся, шерсть ершом и ну лаять под кровать. Лает и лает, аж хрипит.

Старик взволновался.

– Что это, – говорит, – у тебя тут, душенька, делается? Право, что-то неладное. Чего это собака так под кровать лает и в комнате конюшной пахнет? Уж не залез ли кто?

Ну Анюта не растерялась.

– Это, – говорит, – очень даже для ребенка хорошо и здорово.

А старик на себя дурь напустил.

– Что для ребенка, – говорит, – здорово? Чтобы к нему под кровать залезали?

Ну Анюта натурально нервничает:

– Что вы за пустяки говорите. Не залезать здорово, а здорово, когда конюшной пахнет. Нормальный животный запах полезен для легких до такой степени, что его даже нарочно распространяют по комнатам, где есть дети.

Но старик, однако, не успокоился:

– Нет, душенька, тут что-то не так. Чего же собака-то лает? Уж ты не спорь. Наверное, кто-нибудь да залез. Надо позвать прислугу.

Ведь эдакий осел!

Бедная Анюта прямо из себя выходит. Одно спасение, что старик не сгибается и заглянуть под кровать не может.

– Там, – говорит она, – наверное, кролик сидит. Сегодня мальчику кролика играть давали. Я лучше собаку выгоню, а то еще загрызет.

Насилу вытурила их обоих – и старика, и собаку.

А кучер потом стал капризничать.

– Мне, – говорит, – ваша собачонка еще нос откусит.

Еле его успокоила.

И вот раз встречаю я Анюту – что такое? Сама не своя. Расстроенная, сердитая.

– Ужасный, – говорит, – день! Прямо одна беда за другой. Из дому письмо пришло – муж помирает. А тут кучер кнут потерял. Все одно к одному. И еще веселенькая новость: приехали две хорошенькие барышни, и не успела я принять меры, как они уже укатили с кучером до вечера. Я прямо покончу с собой.

Ну я спросила, правда ли, что ее мужу так уж плохо.

– Ах, – говорит, – это такой подлец, вы его еще не знаете. Он способен назло захворать именно потому, что я сейчас погружена в такие сложные чувства.

Об этом письме, однако, как-то пронюхал старик – всюду старики нос суют! – и велел телеграммой запросить.

Запросила.

Приходит ко мне Анюта вся в слезах.

– Получен ответ, что, если хочу застать в живых, должна немедленно ехать.

Я смотрю на нее, удивляюсь.

– Нюточка, – говорю, – чего же ты плачешь? Он же давно хворает. К чему же такая чувствительность?

А она еще больше плачет.

– Это, – говорит, – такое свинство! Это, – говорит, – самое последнее хамство – помирать именно теперь, когда я не могу оставить кучера одного из-за этих двух бесстыдниц, которые не знаю на что способны.

Старик, однако, настоял, чтобы она уехала.

Поехала. Взяла всего багажа только пилочку для ногтей и из Вены назад вернулась.

– Не могу, – говорит. – У меня все время разрыв сердца делается.

Все, однако, обошлось сравнительно благополучно – в тот же день пришла телеграмма, что ее тошный инженер отдал Богу душу. Ехать, значит, было уже незачем. Хотя старик что-то заерундил, что, мол, неприлично не присутствовать на похоронах. Но бедняжка Анята нашла в себе достаточно энергии, чтобы отстоять свою независимость.

И действительно – положение тревожное, кучер катает своих негодяек и на гору, и к морю, прямо как последний подлец, а тут изволь все бросать и ехать. И для чего? Чтобы угодить посмертному эгоизму бывшего мужа, который, может быть, и невольно, а все-таки сыграл довольно подленькую роль в эти последние дни.

Сезон кончался, и я уехала. Так и не знаю, чем все завершилось. И Аняту больше не видала, они все куда-то переехали.

Да, Аняту я не видала, но случайно, лет через десять, услышала о ней. И так удивительно все вышло.

Жила я тогда в Одессе. И вот зашла как-то к своему парикмахеру, а тот мне и рассказывает:

– Была у меня сегодня какая-то новая клиентка, сумасшедшая баба. Все ждала какого-то кавалера, и по телефону звонила, и на улицу выбегала. Бутылку лосьону пролила, лампу опрокинула, чуть пожару не наделала, а потом вдруг схватилась и куда-то полетела, и вот бумажничек забыла, не знаю, как быть.

Показывает мне бумажничек. Разворачиваю, а там письма на имя – как вы думаете, кого? Анны Ивановны Латузиной, вот кого! Вот кто кавалера-то ждал и по телефону вызванивал.

– Бедная, бедная ты моя страдальца! Опять, думаю, какой-нибудь подлец терзает твое голубиное сердце! Мало ты от законного мужа страдала, так вот!

И за что?